

ХОЛЛИ БОРН

18+

Все места,
ГДЕ Я ПЛАКАЛА

Холли Борн

Все места, где я плакала

Серия «Повезет в любви»

Издательский текст

<https://litres.ru/63460673>

Все места, где я плакала: Издательство АСТ; М.; 2020

ISBN 978-5-17-122041-9

Аннотация

<r>Амели встретила его на выступлении – обаятельный талантливый музыкант сразу покорила ее сердце. То, как он смотрел на нее, как говорил «люблю» и раз за разом доказывал свои чувства, не могло оставить равнодушной неприметную, вечно смущенную, неуверенную в себе девушку. И хотя Амели пришлось отказаться от друзей, это того стоило – только он делал ее по-настоящему счастливой.</r> <r>Иногда он становился другим: отстраненным, резким, грубым. Тогда Амели оставалось только ждать. Не мешать ему. Не говорить глупости. Не быть такой навязчивой. И делать все, что он хочет, лишь бы снова почувствовать себя нужной.</r> <r>Но любовь не должна причинять боль.</r> <r>Теперь жизнь Амели разделилась на «до» и «после». И чтобы окончательно не сойти с ума, она должна вспомнить их историю, возвращаясь во все места, где он заставил ее плакать.</r>

Содержание

1. Скамейка рядом с путепроводом	6
2. Столовая колледжа	31
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Холли Борн

Все места, где я плакала

Holly Bourne

THE PLACES I'VE CRIED IN PUBLIC

This edition is published by arrangement with

Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC

Copyright © Holly Bourne, 2019

All rights reserved.

© А. Елецкая, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Видишь, она плачет?

Порой ее нелегко заметить. Она может опустить голову, скрывая лицо за волосами, делая вид, что разговаривает по телефону. Или прислонится к окну в автобусе, отворачиваясь, чтобы никто не увидел ее слез.

Но всегда есть зацепки – то судорожный вздох, то трясущаяся спина, то слезы, быстро смахнутые рукавом, пока никто не заметил.

Девочки плачут на скамейках в парке. И в залах ожидания на вокзале. На танцплощадках в клубах. На автобусных

остановках. На уроках, за последними партами. Они сидят на тротуаре и плачут в два ночи, сняв неудобные туфли. Плачут в школьном туалете. На мосту. На ступеньках дома, где проходит чья-то вечеринка.

И это история одной из таких девочек.

Из-за чего она постоянно плачет?

Хотя лучше спросить: из-за кого?

1. Скамейка рядом с путепроводом

Полтретьего ночи, а я вернулась туда, где все началось.

Да, конечно, тут холодно. В такую рань, да еще в феврале, и одета я не по погоде. Просто накинула пальто поверх пижамы и прибежала сюда, обутая в тапочки. Теперь сижу на скамейке, отчаянно дрожа под искусственным мехом, и даже не знаю зачем.

Ведь лежала спокойно в кровати, крутя в голове мысли: «Что за фигня случилась?», «Это я во всем виновата» и «Сейчас свернусь клубочком, и меня не станет», но в какой-то момент – если точнее, полчаса назад, – все стало очевидным.

Мне было нужно прийти сюда.

Из моего дыхания формируются маленькие облачка кристаллизованного тумана и уплывают по направлению к путям. Тут так тихо. Кажется, будто весь мир заснул. Ну, кроме меня и моего разбитого сердца.

Я уже столько раз плакала из-за тебя, но это совсем не помогает. Потому и сижу тут на холоде, пытаюсь прийти к решению.

Скамейка выглядит так себе: одной доски не хватает, краска облупилась от старости, повсюду неприличные надписи и рисунки. Но она важна, потому что именно здесь я плакала тогда в первый раз.

Не самый первый раз, но первый из-за тебя. Из-за нашей с тобой истории. Хотя это и историей можно было назвать лишь с натяжкой.

Но если вернуться к началу, то, возможно, появится какой-то смысл.

Это начало. Я сижу ровно на нем.

Закутавшись в пальто, закрываю глаза. И вспоминаю.

* * *

– Не волнуйся, – сказала мама, наблюдавшая, как я завтракаю, – там все будут новенькими.

Она улыбнулась знакомой улыбкой. Той, которая извинялась за все происходящее.

– Все будут хоть с кем-то знакомы, в отличие от меня.

– Под конец дня и ты с кем-нибудь познакомишься.

– Надеюсь.

Я встала из-за стола и вылила остатки молока из миски в раковину, направившись в спальню, которая пока совсем не ощущалась как «моя». Еще даже не все вещи были распакованы. Коробки с моей жизнью захламляли пространство в ожидании, что я наконец разберу их, смирившись с переменами. Пока распакованными были только одежда, виниловые пластинки, проигрыватель и, разумеется, моя гитара.

Времени было мало, но я все равно взяла инструмент, перекинув ремень через плечо, и села на край кровати. Ударив

по струнам, сразу же почувствовала себя спокойнее.

– Амели, пора, а то опоздаешь! – слышался голос мамы из коридора.

С большой неохотой я положила гитару на место.

– Иду.

* * *

Сидеть на переднем сиденье в нашей нагретой на солнце машине было все равно что терпеть чьи-то неудобные объятия. Ноги неприятно потели от кожаной обивки. До погоды еще не дошло, что уже сентябрь. Я включила радио, но мама тут же выключила его.

– Ты уверена, что сможешь потом сама дойти домой? Позвони мне, если потеряешься.

– Мам, ты, может, и не слышала еще, но технический прогресс дошел до того, что в телефонах теперь есть карты и прочая навигация.

– Ну, все равно можешь позвонить.

Машина ехала по незнакомым улицам, поворачивая на незнакомых перекрестках, минуя незнакомых учеников, которые шли к незнакомому колледжу. Мы застряли среди других автомобилей, водители которых искали места для парковки. Воздух из кондиционера пах выхлопными газами.

– Мне, видимо, придется тебя прямо тут посадить, – сказала мама. – Ты как, в порядке?

Я кивнула, хотя это и не было правдой. Но маминой вины в этом нет. Да и папиной тоже. Обвинять, что меня вырвали из привычного уклада жизни, было некого. Но от этого становилось только обиднее.

– Погоди-ка... – Маме удалось припарковать машину. Я уже открыла дверь, мысленно готовясь встретиться с неизвестностью, когда она положила мне руку на плечо, останавливая. – Ты точно будешь в порядке? – снова спросила мама. – Мне так жаль, Амели, ведь тебе этого не хотелось.

Я улыбнулась – ради нее – и кивнула, тоже для убеждения: – Все будет окей.

Она оставила меня на пешеходной зоне в облаке машинных выхлопов. Не особо уверенная, куда нужно идти, я двинулась следом за учениками примерно моего возраста. Шея стала жутко чесаться – вернулась моя Сыпь Стеснения. Зашибись, только этого мне и не хватало в первый день в незнакомом колледже на новом месте – прославиться как Та Самая Нервная Девочка с Сыпью. Шагая за другими учениками, я поплотнее запахнула джинсовую куртку. Плевать на жару.

Зуд не проходил, потому что я воображала себе все новые и новые адские варианты развития событий.

1. Вот я нервно стою в одиночестве, взглядом умоляя остальных подойти и познакомиться со мной.

2. Вот я в полном неведении того, куда иду и что делаю, осознаю свою неуверенность в себе и то, что у меня нет даже

базовых навыков взаимодействия с людьми.

3. Наверняка со мной познакомится кто-нибудь странный, кто мне совсем не понравится. Но раз уж это будет единственный человек, который захочет со мной пообщаться, я буду вынуждена поддерживать нашу дружбу всю жизнь из чувства благодарности.

4. Буду сходить с ума, решая, где сесть на большой перемене, и в конце концов примощусь где-нибудь в углу, совсем одна, и стану наблюдать за всеми этими дружелюбными экстравертами, тихонько завидуя.

5. Наверняка запнусь или поперхнусь, когда буду представляться классу, и все примут меня за чучело.

Идущие передо мной девушки громко болтали, и до меня доносились обрывки их разговора:

– Ты видела Лауру, когда объявили результаты? Ведет теперь себя как гот. Как думаешь, ее новый бойфренд в курсе, что она слушает Тейлор Свифт? А давай скажем ему?

Они хихикали, отчего все мои внутренности словно переворачивались. Я и забыла, какими жестокими могут быть тинейджеры.

Дома, в Шеффилде, у меня был свой тесный круг друзей, которых я любила и которым доверяла. Мне потребовалось шестнадцать лет, чтобы собрать эту компанию. Даже не верилось, что придется начинать все заново.

Девушки свернули налево, и я тоже. Передо мной тут же

выросло главное здание колледжа, покрашенного и отремонтированного к новому учебному году. Повсюду были толпы учеников, медленно исчезающие во входных дверях. Казалось, что все друг друга знают: они обнимались, расспрашивали о летних каникулах, смеялись и старались выпендриться в первый день учебы. Город маленький, так что все надеялись на летний «ребрендинг», который поможет им набрать популярности. Я же была новенькой. Не было ни одного знакомого мне лица. Кому-то это показалось бы прекрасным – возможность начать заново! Но не мне. Я ничего не хотела начинать заново, я хотела вернуться обратно в Шеффилд к Джесси и Алфи.

Алфи...

Я чуть не разрыдалась прямо там, посреди двора среди бела дня, еще даже не начав учиться. Уже чувствовала, как слезы подступают к глазам. Но Алфи так хорошо понимал меня, знал и любил, что протянул руку помощи.

Мой телефон завибрировал.

Алфи: Думаю о тебе. Просто будь собой сегодня – включая красные пятна от смущения. Ты ТОЧНО заведешь новых друзей. Помни, это всего на два года ХХ

Я расплылась в улыбке, хотя мне все еще было грустно.

Амели: КАК ТЫ ДОГАДАЛСЯ ПРО ПЯТНА? Х

Громко задребезжал звонок, и я посмотрела на часы – без пяти девять. У меня оставалось лишь пять минут, чтобы найти аудиторию D24 и встретить новый класс. Слегка дрожащими руками я вытащила карту колледжа из сумки и нашла нужное мне здание.

«Не так уж и плохо, – подумала я, – справляюсь».

Телефон снова завибрировал.

Алфи: Я скучаю по этим пятнам. У тебя все сегодня получится. Х

Я закрыла глаза, представляя себе его лицо и не обращая внимания на жару и студентов, спешащих на занятия. Вспомнила родинку рядом с левым глазом Алфи, его непослушную шевелюру. Инстинктивно набрала ему ответ.

Амели: Я люблю тебя.

Рядом с «я» мигал курсор, от которого невозможно было отвести взгляд. Меня накрыло волной эмоций, и я удалила все написанное.

Снова зазвенел звонок. Опоздываю в первый же день.

Амели: Скучаю.

Отправила новую версию.

Пусть это не было ни ложью, ни полной правдой.

* * *

Я тряхнула головой. Здесь и сейчас, на холодной скамейке в почти три часа ночи. Тело заледенело; сложно было представить, что оно когда-нибудь сможет согреться. Тот жаркий день в сентябре казался невозможно далеким.

А что, если бы я отправила ему то первое сообщение?

Это лишь одно из тех «а что, если», которые постоянно крутились в голове. Если бы я сказала, что люблю его. Если бы не удалила сообщение. Если бы прислушалась к той части себя, которая написала «я люблю тебя», невзирая на наше глупое соглашение... Если бы отправила ему то, что думаю, – как бы это повлияло на будущее?

Теперь ответа не узнать.

Потому что я не написала этого. Лишь сказала, что скучаю. Нажала на кнопку «отправить» и смотрела, как одна галочка доставленного сообщения превращается в две прочитанного. Затем убрала телефон в сумку и побежала на свой первый урок.

* * *

Если ты скромный человек, то нет ничего хуже, чем опоз-

дать куда-нибудь. Когда я открыла дверь в класс, потя от страха и неловкости, все одновременно повернули головы в мою сторону, словно стоя сурикатов.

– Извините за опоздание, – пробормотала я преподавателю. Он был молод, рыжеволос и одет в розовую рубашку.

– Да не волнуйся, ты еще даже не самая последняя. Многие теряются в первый день. – Он указал на свободное место. Я рухнула на стул, избегая встречаться глазами с окружающими. – Как уже сказал ранее, – продолжил преподаватель, – меня зовут Алистар, и мне предстоит учить вас два года. Надо сказать, вам повезло – я очень даже классный.

Все смущенно засмеялись, и я наконец оглядела окружающих. Видно было, что все потратили вечность, выбирая сегодняшний наряд; в классе практически воняло показухой. Напротив меня сидел парень, у которого на футболке был напечатан политический слоган, а в руках он держал дневник в кожаном переплете – чтобы все сразу поняли, что он заботится о мире и ведет умные записи. У девушки рядом с ним волосы были покрашены в ярко-розовый цвет, на шее висели огромные наушники, а под джинсовым платьем виднелись желтые легинсы. Хотя не мне их осуждать. Сама сломала голову, решая, какое именно старушечье платье надеть сегодня, раз уж для свитера будет слишком жарко. Алфи однажды сказал, что, даже если бы пришлось отправиться на войну, я бы надела один из своих необъятных свитеров. Мой стиль вообще можно описать следующим образом: если ка-

кая-нибудь старушка недавно умерла и ее похоронили в платье, то именно оно мне и понравится. У меня даже джинсов не было.

Дверь в класс внезапно распахнулась, явив нам девушку с рыжими волосами и идеально ровной челкой.

– Это D24? – бодро спросила она, словно ее совершенно не волновало внимание всех присутствующих.

– Он самый, – ответил ей Алистар. – Заходи, садись.

Она неторопливо прошла по классу и села рядом со мной.

– Привет, – прошептала она, – меня зовут Ханна.

Слова застряли у меня в горле, но я все же смогла выдавить робкое «Привет».

Алистар подождал пять минут, ожидая последнего опаздывающего; никто так и не пришел. Он еще раз поздравил нас с началом обучения в колледже и объяснил главные отличия от наших средних школ. Нам не надо носить форму. У нас не будет наказаний за плохое поведение. Нам даже не обязательно ходить на все занятия, хотя, если мы прогуляем больше двадцати процентов, нас просто исключат. Сегодня все уроки будут ознакомительными, реальное обучение начнется только на следующий день.

– Вас распределили по группам в зависимости от предметов, которые вы выбрали. И ваша группа в основном занимается исполнительскими искусствами. Я – главный педагог по актерскому мастерству, поэтому буду вашим ведущим преподавателем. – Внезапно он запрыгнул на стол, танцуя кан-

кан и активно размахивая руками, заставляя нас смеяться и в недоумении переглядываться друг с другом. – Кстати, я хочу, чтобы вы все записались на шоу талантов в этом семестре, – пропел Алистар. Затем он крутанулся на месте и спрыгнул на пол. – Так, ладно, теперь давайте познакомимся.

Следующий час был адом. Хотя знаете что? Это еще мягко говоря. Алистар заставил нас всех вставать и петь три чертовых факта о себе. Я елозила на стуле, чувствуя, как от нервов моя сыпь становится ярче, хотя все остальные совсем не выглядели смущенными. Полагаю, студенты исполнительских искусств обычно не такие жуткие интроверты, да и вообще – я не встречала ни одного социально неадаптированного певца. Ну, кроме меня.

– Меня зовут Дарла, – пропела девушка с розовыми волосами. – Я люблю писать песни, фотографировать закаты и жить одним дне-е-ем.

– Привет, Дарла-а-а! – Мы были обязаны петь в ответ.

Парень с кожаным дневником оказался унылым:

– Джордж, – хмуро представился он, – люблю книжки, футбол, политику. Кажется, я не в той группе, потому что не учу никакие исполнительские искусства.

Алистар громко рассмеялся.

– О нет, Джордж, – пафосно пропел он, словно мы участвовали в шоу на Бродвее, – дай-ка я проверю журнал, быть может, тебе нужно в другой класс. Да-а-а, твоего имени тут

нет. Извини, но ты здесь лишни-и-и-ий.

– Твою мать, – среагировал Джордж.

Алистар подскочил к нему и взял его бумаги.

– Тебе в B24, а не D24, – решил он проблему.

– Ну твою ж мать.

– Пожа-а-алуйста, не ругайся в моем классе-е-е. Давайте-ка проводим Джорджа песней, – предложил Алистар, после чего тут же запел *So Long, Farewell* из фильма «Звуки музыки». Все стали подпевать, словно в этом не было ничего из ряда вон выходящего. Точнее, все, кроме Ханны – она встретила со мной взглядом, закатила глаза и, пока никто не видел, изобразила выстрел себе в голову, точно описывая происходящее.

Когда подошел ее черед, она встала и произнесла:

– Я люблю театр, но не музыку. И петь не буду.

– Как пожелае-е-ешь.

– Меня зовут Ханна. Я люблю театр, но ненавижу мюзиклы, так что все это... – она сделала паузу для эффекта, – для меня просто ад.

Все ахнули, и только Алистар остался спокоен, хотя и пробормотал что-то вроде: «Поверить не могу, что кто-то в моей группе не любит мюзиклы... Тут, должно быть, какая-то ошибка...»

Ханна пожала плечами и села на место. Моя очередь. Все повернулись в мою сторону, и у меня перехватило дыхание.

Представь, что это концерт, представь, что это концерт.

Надо дышать, иначе петь не получится. Окей, это просто концерт. Обычно у тебя получается выступать на них. Дыши... Дыши...

– Меня зовут Амели, – голос немного сорвался поначалу, но мне удалось его выровнять, – я только что переехала сюда из Шеффилда. Люблю писать песни, петь и играть на гитаре-е-е.

Мир не рухнул. Как и на моих выступлениях, люди немного улыбались, хотя и слушали меня без особого интереса.

– Амели, у тебя прекрасный голос, – радостно сказал Алистар.

Все снова повернулись, заставив меня превратиться в комок нервов и красных пятен. В этот момент я немного ненавидела Алистара – за то, что сделал меня центром внимания, выделив из толпы, хоть это и был комплимент. Я скрючилась на стуле и спрятала лицо за волосами, ожидая звонка.

Олимпийские игры унижения продолжались. Алистар заставил нас играть в «смешнейшие» игры для знакомства.

Одна из них называлась «Вжих-Вжух-Бах!», в ней мы должны были передавать друг другу «шар энергии», издавая при этом разные бредовые звуки и обезьянничая. Я говорила только «вжух» и тихо передавала воображаемый шар другим. Ханна делала так же, заодно бормоча себе под нос: «Кошмар, застрелите меня кто-нибудь». Я широко улыбнулась ей, показывая, что мы в одной лодке. Быть может, по-

дружимся.

Затем нам раздали карты для бинго с фразами вроде «любит розовый цвет» и «любит бегать» – и нам следовало найти людей в классе, к кому относятся эти факты. У меня уже возникло желание уйти из колледжа и сообщить родителям, что образование – это не мое. Но все оказалось гораздо проще. Как только другим выпала карта бинго «приехала издалека», все сами стали подходить ко мне, и я должна была лишь отвечать им, что приехала из Шеффилда. Они делали пометки в своих картах и оставляли меня в покое, спокойно болтая между собой, словно эти задания были самой простой вещью на свете. Я стояла у стенки, судорожно сжимая в руках свою карту, потая и отчаянно желая вернуться в прошлое к своим старым друзьям. Вдруг рядом со мной возникла Ханна.

– Можешь притвориться, что любишь розовый цвет?

Я улыбнулась ей.

– О да, это же мой самый любимый, – пошутила я.

– Классно, какое совпадение, – она отметила это на своей карте, – так, а домашние животные у тебя есть?

– Разумеется, – кивнула я, – единорог.

– О, у меня тоже!

Наши улыбки стали еще шире. Я воспользовалась шансом записать ее имя на своем листе.

– Тебя ведь Ханна зовут, так?

– Ага. Если хочешь, я могу притвориться, что у меня был перелом.

– Заметано. Перелом чего именно?

– А всего. Я прыгнула в лифтовую шахту в знак протеста этим тупым играм. Переломала все кости. Уникальный медицинский случай!

Мы обе захихикали, чувствуя душевное родство.

– Так, у тебя кудрявые волосы? – Я продолжила сверяться с бинго-картой.

– Ну, когда завью их, да.

– Ты левша?

– Иногда я определяю по руке, какая сторона левая, а какая – правая, иначе забываю. Это считается?

– На все сто.

– Окей, моя очередь: ты когда-нибудь была в других странах?

– Ну, я из Шеффилда.

– Очень далекая страна, несомненно.

Внезапно Дарла закричала: «Бинго!» Мы похлопали ей, и в ответ она разыграла сценку, будто благодарит публику за награду на церемонии «Оскар».

В завершение Алистар рассказал нам, что и где находится на территории колледжа, объяснил, как пользоваться расписанием, и напоследок предложил обращаться к нему по любым вопросам. Он мне даже понравился, несмотря на экстравертность. Его уроки точно не будут скучными.

Наконец он отпустил нас; все вышли из кабинета, болтая друг с другом, словно уже были лучшими друзьями.

Я задержалась, стараясь запихнуть тетрадь в сумку. Ханна тоже долго копошилась, после чего подняла взгляд на меня.

– Ну, мы выжили. Ты чувствуешь себя достаточно проинформированной?

– Я, скорее, чувствую, что после сегодняшнего дня мне понадобится длительный курс психотерапии.

Она засмеялась.

– Какой у тебя следующий урок?

Мы вместе вышли из учебного корпуса на улицу. Сотни студентов вокруг нас спешили из пункта А в пункт Б, оставиваясь на ходу и заглядывая в карты в поиске того самого места назначения.

– Английский.

– Блин, у меня литература. – Она нацепила на нос зеркальные очки-авиаторы в попытке укрыться от слепящего солнца. – Так бы могли быть в одном классе. Зато это в одном и том же корпусе. У тебя карта с собой?

По дороге на урок Ханна рассказала мне, как выбрала колледж вместо своей старой религиозной школы:

– Там девочкам всегда надо было носить закрытую одежду, включая пиджаки, даже летом. Я в таком месте фиг останусь, хотя со мной ушли только четверо. – Мы остановились около одного из классов, и я сверилась с картой – тот ли номер. – Кстати, мы с друзьями хотим встретиться выпить кофе. Тут есть одно местечко, называется «Бо Джанглс». Если хочешь, присоединяйся. Во время ланча, м?

Мне хотелось ее расцеловать. Ведь я бы на ее месте никогда и не упомянула, что хочу встретиться снова, как бы сильно этого ни желала. Я промямлила что-то в знак согласия и спросила, где находится заведение.

– Это так очаровательно, что ты пока не знаешь ничего в нашем крошечном городке, – сказала она, показывая мне кафе на своем мобильном. – Не волнуйся, ты быстро сориентируешься. Ладно, встретимся на ланче.

– Пока, – бросила я ей вслед и добавила: – Спасибо.

* * *

Как же холодно. Скоро пойду домой, а то уже почти отморозила задницу. Я поджала ноги, уткнувшись лицом в колени.

С Ханной мы больше не друзья.

У меня вообще больше нет друзей.

* * *

Остаток дня прошел лучше, чем я предполагала. Мне удалось найти все аудитории. Познакомилась с учителями, и они рассказали нам про экзамены. Преподаватель музыки, миссис Кларк, показалась очень клевой, да и вела самый важный для меня предмет. Затем в «Бо Джанглс» я тихо си-

дела рядом с Ханной, которая познакомила меня с Джеком и Лив. Мы разговорились, обсуждая различия между севером и югом.

– О, так ты говоришь «дождь»! А мы говорим «дождь».

– Подливка? С картошкой? Звучит отвратительно...

– Так где конкретно Шеффилд? А, я-то думала, что это еще дальше на север...

– Ты играешь на гитаре? И пишешь песни? Ого!

Все не так уж плохо. Эти ребята знали друг друга, в отличие от меня, но все пошли в колледж, чтобы познакомиться с новыми людьми, и я как раз была новенькой. После общения с ними стали очевидны две вещи: Ханна – лидер этой маленькой группы беглецов из их старой школы, и, судя по обожающим взглядам, Джек влюблен в Ханну.

– Так почему ты сюда переехала? – спросила меня Ханна, одновременно глядя на себя в маленькое зеркало.

– Папу уволили. В итоге он так и не смог найти работу на севере.

– Какой отстой.

Остальные согласно что-то замычали, попивая кофе.

– Да все нормально, – соврала я, – у меня мама из этих краев, так что я уже пару раз была на юге.

– Ну, мы все равно обязаны сказать тебе одну вещь: у нас картошку поливают не подливкой, а кетчупом.

– Еретики.

И мы засмеялись, как смеются вместе новые друзья.

* * *

Я тебя тогда еще не встретила, конечно. Это было время «до тебя». Возможно, уже тогда чувствовалось твое присутствие, когда я шагала в лучах солнечного света домой.

Я была в хорошем настроении. Навигатор в телефоне вел меня по короткому маршруту через аллею рядом с садами...

* * *

У меня оставалось два часа, пока родители не придут домой. Я хотела уделить это время игре на гитаре; в голове уже формировались строчки для новой песни. Аллея завернула налево, выводя меня к старому путепроводу. Судя по навигатору, мне следовало его перейти, что я и сделала, остановившись только на середине моста, чтобы посмотреть на уходящие за горизонт рельсы. В голове стало тихо, и сознание подбросило мне новые слова для песни:

Бреду вперед наугад...
Храня внутри твою любовь...
Так хочется вернуться назад,
Но судьба мешает вновь...

Я сразу поняла, что сохраню эти строчки для вступления.

Боясь, что забуду, поспешила набрать их в телефон. Как только закончила печатать, мобильный завибрировал.

– Алло? – спросила я, хотя каждая клетка моего тела прекрасно понимала, кто это.

– Амми! Как все прошло?

Голос Алфи был для меня напоминанием об уюте и доме. Но он звучал невыносимо далеко.

– Совсем неплохо, – ответила я, стараясь подавить тоску и игнорируя нервно сжимающийся желудок. – Познакомилась с одной девочкой из театрального класса, Ханной, она довольно дружелюбная и крутая. И в школе есть прикольные инструменты.

Он засмеялся, и я хорошо могла его представить в этот момент: он всегда держал ладонь у подбородка, а один глаз прищуривался чуть больше другого.

– Ну, это самое важное, – согласился Алфи. – И я рад, что не все южанки кошмарны.

– Не думаю, что у меня получится завести кучу друзей, если я буду называть их так. – Я дошла до конца виадука и села на скамейку. Ту, на которой сижу и сейчас.

– И то верно, – снова засмеялся он, – но ты можешь тайком о них так думать. И вообще, мы даже не пустим тебя обратно в Йоркшир, если ты не будешь так делать!

– Только посмейте не пустить меня обратно!

Послышались смех в трубке, шум потасовки, крик Алфи: «Эй!» – и Джесса отобрала у него трубку.

– АМЕЛИ, МЫ СКУЧАЕ-Е-ЕМ! ВОЗВРАЩАЙСЯ НА СЕВЕР, СУЧКА!

Я улыбнулась так широко, что, казалось, мое лицо вот-вот треснет.

– Я тоже соскучилась.

– В школе без тебя все было так странно. Я даже подумывала нацепить свитер на воздушный шар и представить, что это ты.

– На мне сейчас нет свитера, – сообщила я, – тут слишком тепло для этого.

– О МОЙ БОГ, ЧУВАКИ, – закричала она в сторону от трубки, – ОНА ГОВОРИТ, ЧТО НА ЮГЕ СЛИШКОМ ЖАРКО ДЛЯ СВИТЕРА!

Послышались возгласы удивления от всех наших друзей.

– Кидай фотки, а то не поверим! – прокричала Кимми. За этим последовало еще больше смеха и возни.

– А ну отдай телефон, Джесса! Джесса, – пытался договориться Алфи, – дам тебе за это моей картошки. Эй, это слишком много! Окей, погоди... Амми, прости, ты еще тут?

– Все еще тут.

– Подожди секунду, я пропущу всех вперед, и мы сможем поговорить спокойно. – На фоне были слышны его шаги по гравию.

– Где вы гуляете? – спросила я, стараясь звучать спокойно.

– О, да как обычно, в ботаническом саду.

Я могла в деталях представить себе их. Точно знала, где

они купили картошку на перекус, на какой скамейке будут сидеть.

– С чем ты взял картошку? – спросила я, заранее зная ответ.

– С подливкой, сыром и майонезом. Последний – мой секретный ингредиент для лучшего вкуса!

– Твой секретный ингредиент отвратителен.

– В отличие от всех вас, я живу в будущем, сама знаешь...
– Он недолго помолчал, собираясь с мыслями. – Скучаю по тебе. Весь сегодняшний день был таким странным. И ужасным.

– Два года быстро пролетят...

– Да, мы продолжаем твердить это. Но ты сама как? Я думал о тебе и посылал положительные эмоции – получила?

По моей щеке скатилась первая слеза. Вот и начало.

– Получила. Спасибо тебе.

Мы оба вздохнули, ничего не говоря. Все уже было сказано перед отъездом.

– Как прошел твой первый урок по продвинутой химии? – спросила я, пытаясь перевести разговор на что-то нейтральное. – Вам дали попользоваться горелками?

– Сколько раз тебе объяснять: горелки – это не самое важное!

– Тебе только из-за них и нравятся естественные науки, так что прекрати врать сам себе.

Алфи засмеялся, хотя смех был невеселым. До меня до-

носились голоса Кимми и Джессы, спорящих где-то неподалеку от него.

– Ладно, пора идти, а то они меня без картошки оставят, – сказал Алфи.

Мне совсем не хотелось заканчивать разговор. Не хотелось упускать звук его голоса. Но мы согласились, что смиримся с этой ситуацией, примем этот поворот судьбы и приостановим... нас.

– Всего два года, – сказал Алфи еще перед отъездом, держа мое лицо в ладонях, когда мы оба стояли среди коробок, в которых были собраны шестнадцать лет моей жизни. – И потом мы вдвоем будем жить в Манчестере, вместе.

– И ты будешь ждать меня так долго?

– Ты же знаешь, буду.

– Просто не хочу, чтобы ты чувствовал себя обязанным эти два года и возненавидел меня, – плакала я тогда.

– Не возненавижу. И ты тоже. Мы же договорились, помнишь? Можем делать что хотим и с кем захотим, только не влюбляться в них.

– Невозможно влюбиться в кого-то, кроме тебя, – сказала я тогда, искренне веря в это.

Мы целовались и оба плакали, а потом занимались сексом всего лишь в восьмой раз, и это было горько, неуклюже и немного сопливо, но все равно очень мило. После чего шепотом разговаривали всю ночь, фантазируя о нашей крышесносной жизни в Манчестере.

– Хорошо, – сказала я в трубку всего две недели спустя после того разговора, болью ощущая каждый разделяющий нас километр, – спасибо, что позвонил. Я так рада тебя слышать!

Еще одна слеза скатилась по щеке и упала на платье.

– Рад, что у тебя все хорошо.

– Я тоже. Спасибо.

Он положил трубку. Я долго смотрела на свой мобильный, чувствуя, как меня накрывает волна тоски. Руки тряслись; на экран телефона капнула слеза. И на этой скамейке, на этой самой скамейке месяцы назад – когда ярко светило солнце и ты еще не встретился мне, – я уронила лицо в ладони и горько заплакала.

Кто угодно мог пройти мимо и увидеть меня. Но было абсолютно все равно. Спина сотрясалась от рыданий, а платье пачкалось тушью и соплями.

* * *

И вот я сижу на той же самой скамейке, отмораживая задницу. Хочется протянуть руку в прошлое и успокоить саму себя, погладить по голове. Я протягиваю ладонь в перчатке, словно могу утереть слезы той Амели и прошептать на ухо, чтобы она не делала всех тех вещей, которые я уже натворила. Которые привели меня в этот момент. Которые сделали из меня пустую оболочку человека.

Все началось здесь.

Я пока не понимаю, что именно произошло, но знаю точно: все началось именно здесь.

Может, если соединю все точки, то смогу понять, но пока не получается. Последние шесть месяцев не поддаются объяснению. Ни мое поведение, ни эмоции, ни потери. Черт знает что.

Эта скамейка – точка номер один. Первое место, где я плакала на публике.

Закрываю глаза и словно чувствую себя на месте Амели из прошлого: как она встает, как ее плечи трясутся, как по лицу текут слезы. Я тянусь через время и шепчу ей:

– О, Амели, ты еще ничего не знаешь.

Мои слова превращаются в пар и уносятся вдоль рельсов.

2. Столовая колледжа

Здесь совсем нет воздуха. Возможно, потому что снаружи льет как из ведра и все решили укрыться тут. Или просто отопление включено на максимум. Или это ужасный запах спагетти из школьной кухни. А может, как знать, это все потому что ты здесь. С ней. В углу.

Поверить не могу, что ты здесь, что целуешь ее, что я вижу это и мне хочется умереть.

Я одна, как обычно. Изнуренная после бессонной ночи, сижу в противоположном углу, скрываясь под капюшоном. Я нечасто появляюсь здесь в последнее время – предпочитаю проводить перемены в классе музыки или в тихих закутках библиотеки. Обвожу взглядом лица собравшихся – все смеются, едят спагетти, не думают о несложившихся отношениях – и неизменно вижу только тебя. Даже из-под шляпы заметно, как ты улыбаешься ей. И смотришь на нее так, как раньше смотрел только на меня. От этого по всему телу расходится боль.

Зачем я себя мучаю?

Эта мысль проносится в голове уже в сотый раз.

За столиком неподалеку от выхода сидят в обнимку Джек и Ханна, притворяясь, словно не замечают меня. У них это хорошо получается.

В желудке тяжесть, тошнит, от запаха макарон становит-

ся еще хуже. Я почти ничего не ем в последнее время, и это беспокоит родителей. На гитаре тоже мало играю, и это беспокоит миссис Кларк. Мне же хочется, чтобы замечал все это и беспокоился только ты.

А тебе все равно, Риз. Ты ведь меня не замечаешь!

И это так глупо, ведь именно тут я встретила тебя тогда. А ты меня заметил и даже более того...

Хотя, конечно же, в тот день набитая студентами столовая выглядела совсем иначе.

* * *

– Ого, они тут серьезно парятся из-за местного шоу талантов, – заметила Ханна, как только мы вошли в столовую колледжа.

Мы втроем остановились и огляделись по сторонам, оценивая все преобразование. На месте музыкального автомата кто-то водрузил профессиональную сцену. На кухне соорудили бар. С потолка свешивались софиты и прожекторы, благодаря которым стены были украшены созвездиями и Млечным путем. И, главное, люди – собралась такая толпа, словно весь колледж решил прийти сюда одновременно. С начала семестра прошло лишь две недели – всем еще было интересно заводить новые знакомства.

– Как хиппи с факультета музыкальных технологий хватило сил на все это? – пошутил Джек, заставляя Ханну сме-

яться. Я улыбнулась, глядя на них обоих. Мне повезло догадаться, что они нравятся друг другу, раньше них самих – и это как бесплатные билеты на «Шоу Джека и Ханны». Я была очень рада за них, хотя это и заставляло сильнее скучать по Алфи.

Тот не писал мне уже неделю.

Не то чтобы это было обязанностью. Он свободный человек, и я тоже. Все по плану. Но я все равно с ума сходила: вдруг встретил кого-то? Вдруг забыл обо мне и о Манчестере? Этих переживаний хватало, чтобы отвлечь меня от моей НАВЯЗЧИВОЙ БОЯЗНИ ЧЕРТОВОЙ СЦЕНЫ.

– А куда нам кинуть вещи? – спросила я, перевешивая гитару с одного плеча на другое.

– Даже не знаю, – ответила Ханна, – мне для выступления ничего не надо, а остальным...

Я сделала глубокий вздох; мне надо было отделиться от них и пойти говорить с другими людьми, чтобы со всем разобраться. Я начала нервничать, хотя и до этого переживала – ведь мне предстояло петь перед всеми. В Шеффилде у меня была парочка фанатов, и я могла немного расслабиться, увидев их знакомые лица в толпе. Здесь же вообще не знала, зацепит ли кого-нибудь моя музыка или нет.

– Хорошо, я пойду узнаю.

– Окей, мы пока возьмем чего-нибудь попить, – ответил мне Джек. – Тебе чего намешать? Колу, лимонад? – Мы хорошо знали, что у него в куртке была спрятана небольшая

бутылка с водкой.

– Колу, пожалуйста.

– Встретимся перед сценой! – бросила через плечо Ханна, увлекаемая в толпу.

Они затерялись среди остальных студентов; кого-то из них я уже немного знала в лицо после первых двух недель обучения. Девушка из моего класса по английскому, Кэролин, поздоровалась, проходя мимо. Я помахала ей в ответ и покраснела, проклиная себя за неловкость в общении с другими. Все больше народу заходило в столовую, образуя затор около дверей – все любовались сменой декораций.

А тебе нужно петь перед этими людьми.

Пожелав своему подсознанию заткнуться, я попыталась сообразить, куда пристроить гитару. Неподалеку заметила Дарлу с ее новой зеленой прической.

– Дарла! – крикнула я, привлекая ее внимание.

– Эй, Амели, ты как?

– В порядке, – я протолкнулась к ней, по ходу стукнув кого-то гитарой, – мне просто нужно куда-то пристроить свои вещи. Ты же играешь сегодня, да?

Она кивнула.

– Не подскажешь, куда это можно сложить?

– Все оставляют свои инструменты в классах музыки.

– Логично. Спасибо за помощь. Ты какая по счету? – спросила я, стараясь проявлять дружелюбие.

– Третья. А ты?

– Вторая с конца.

– Ох блин, – поморщилась Дарла, – так тебе весь вечер переживать перед своим выходом?

В яблочко. Я засмеялась, но в тот момент это было больше похоже на мышиный писк.

– Ха-ха, да, знаю. Это отстойно. Еще раз спасибо.

Я вышла из душевой столовой на улицу, хотя там оказалось не менее жарко. На мне был серый кардиган с самодельными дырками для больших пальцев на рукавах поверх нежно-голубого платья.

Как только в кармане завибрировал телефон, я поспешила открыть сообщение. Алфи! Точно он!

Джесса: Удачи тебе сегодня, Человек-Свитер. Развлекись там перед шоу, нервничая и недооценивая свои шансы на победу. Всегда любила за этим наблюдать!

Это вызвало у меня улыбку, хоть и не такую широкую, как обычно. Просто Джесса не Алфи, а мне хотелось получить сообщение только от него. Но я все равно послала ей ответ, почувствовав себя менее одинокой.

Амели: Да не смогу я победить... Но, серьезно, спасибо тебе. Очень хочу, чтобы ты была здесь. Точнее, нет, я хочу быть ТАМ.

Я подошла к зданию, где у нас проходили уроки музыки. На двери висела табличка: «Оставляйте свои инструменты здесь».

Протолкнувшись внутрь и задев гитарой дверной проем, я впервые увидела его.

Первое, что бросилось в глаза, это его красота. Всегда думала, что так выглядят только принцы в диснеевских мультиках или рассказах моей бабушки, но это относилось также к Ризу Дэвису.

Блин, какой же красивый.

Он стоял со своей группой, хотя я никого вокруг не замечала. Риз улыбнулся, увидев меня, чем и сразил наповал.

– Эм, привет, – пискнула я, – тут ведь можно гитару оставить?

Он был высоким, с точеными чертами лица и выдающимся подбородком с ямочкой. Даже в помещении на нем была шляпа, но благодаря внешности он не выглядел при этом как невоспитанный придурок.

Как только он собрался мне ответить, подбежала весьма замотанная миссис Кларк.

– Амели! Да-да, ты по адресу, – она протянула руки к моему кейсу, и я с благодарностью всучила ей гитару, – как ты себя чувствуешь?

– Нервничаю, – призналась я.

– Не стоит, у тебя все получится.

– Надеюсь.

Риз еще ничего не сказал, но уже покори́л меня – будто от него исходили какие-то невидимые магнитные волны.

– С какой песни ты начнешь? – спросила меня миссис Кларк, и я рассказала ей о своей десятиминутной программе, одновременно подслушивая разговор стоявших рядом парней.

– Я все же думаю, что нам надо начать с песни «Добро пожаловать в никуда», – уверенно сказал он своим товарищам.

– Но, Риз, мы же договорились...

– Чувак, – он улыбнулся, прерывая возражения, – мы же должны зажигать, как настоящие рок-н-рольщики, расслабься. Мы можем легко изменить подборку песен, и никто нас за это в угол не поставит.

Его друзья нату́жно засмеялись, и я смотрела на его улыбку, пока миссис Кларк снова не отвлекла меня вопросами о моем методе написания песен.

* * *

Сейчас я жалею, что не вышла тогда из актового зала, убе́гая прочь, прочь, прочь... Я так не поступила. Вместо этого пошла обратно в столовую, нашла Джека и Ханну, позволила Джеку налить мне водки в колу и продолжила дальше этот путь саморазрушения.

Никогда ведь не знаешь, что произойдет в будущем, да? Не знаешь, какой момент сделает твою жизнь лучше, а какой

– разорвет все на кусочки. Но что пугает меня больше всего, Риз, это что сейчас, сидя в душной столовой, несмотря на разбитое сердце, я...

Я боюсь, что поступила бы точно так же и во второй раз. Что же ты сделал со мной, Риз?

* * *

Шоу началось с выступления битбоксера, который не уложился в свои десять минут. Среди зрителей мы нашли Лив – она пришла со своими друзьями из класса фотографии. Я немного побаивалась ее. Девушка выглядела угрожающе, но это был такой стиль – вела она себя весьма дружелюбно, так, словно рада меня видеть. Мы все махали друг другу, кричали «привет» и старались хоть как-то поговорить, невзирая на парня, плюющего в микрофон. Одновременно я пыталась унять мандраж по поводу предстоящего выступления.

– Какое ужасно неудачное сочетание, – сказал как-то раз Алфи перед одним из моих последних концертов в Шеффилде, – что ты так талантлива, но так сильно боишься сцены.

– А что, если меня стошнит? – спросила я тогда.

– Говорю в сотый раз: ты мне все равно будешь нравиться, – успокоил он.

Тошнота была одним из моих страхов – я часто представляла, как содержимое желудка выплескивается на меня и окружающих. Затем был страх опи`саться. Потом – страх за-

быть слова. Была еще фобия вспомнить слова, но петь их мимо нот...

А сейчас мне впервые за несколько лет предстояло пойти на сцену без поддержки Алфи.

Почему он мне не написал?

– Амели, ты в порядке? – прокричал мне Джек. – Выглядишь немного зеленой. Может, еще лекарства? – Он показал на бутылку водки.

Я знала, что это плохая идея, но все равно согласилась и позволила ему наполнить мой стакан. Глотнув, я почти не почувствовала вкуса колы.

Битбоксер закончил под вялые аплодисменты. Судьи показали карточки с щедрыми в данном случае пятерками и шестерками. Следом выступали танцоры. Группа высоких и стройных девушек в обтягивающих шортах порхала по сцене с лентами под какой-то рэп. Джек подлил мне еще водки, и стало повеселее.

На сцену поднялась Ханна и классно представила сценку из «Монологов вагины», за что судьи дали ей пару восьмерок. Я наблюдала за тем, как Джек любит ее, подтверждая мою догадку. Подтолкнув его локтем, спросила:

– Она тебе нравится, да? – Алкоголь сделал меня способной на инициацию разговоров.

– Это так очевидно? – улыбнулся он.

– Хм, может, только для меня. Люблю наблюдать за людьми.

– Я заметил.

– Думаю, ты ей тоже нравишься, если тебе от этого легче.

– Правда? – Его лицо озарилось на секунду, но затем он помрачнел и снова повернулся ко мне. – Но она весь выпускной провела, целуясь с каким-то хреном из футбольной команды.

– Может, просто...

Мне не удалось договорить, потому что на сцену поднялась новая группа. Все закричали и зааплодировали громче, чем за весь вечер. Я подняла взгляд, чтобы увидеть, из-за чего этот шум: на сцене появились парень в шляпе и его группа. Риз. Он поправил головной убор и сжал в руках микрофон.

– Привет, мы *That Band*, – анонсировал он, излучая уверенность при каждом слове.

Они исполнили песню, из-за которой спорили раньше, и это был правильный выбор. Хорошие слова, запоминающаяся мелодия. Со сцены изливались потоки харизмы. Было невозможно не смотреть на Риза – пусть у него был и не лучший голос, но с его самоуверенностью все получалось просто шикарно.

К нам наконец вырвалась Ханна.

– Как вам мое выступление? – прокричала она, заставляя меня отвернуться от сцены.

– Ты была просто на высоте! Когда мы можем проголосовать за тебя как за нового премьер-министра Великобрита-

нии?

Мы все обнялись – она, Джек, Лив и я. А когда мы разомкнули объятия, Ханна обратила внимание на сцену.

– О боже, – простонала она, – это же парад придурков!

* * *

Вот оно.

Это был первый красный флажок. Прямо там. Таких флажков было великое множество, но каждый из них я проигнорировала.

Остановилась ли тогда перед этим, подумала ли: «Хм, почему это похоже на нечто красное и флагообразное»?

Конечно, нет.

* * *

Я наклонилась к Ханне, радуясь, что она знает его.

– О чем ты говоришь?

– Риз-чертов-Дэвис. Их вокалист. Известен также как Король Засранцев. Он учился в другой школе, но мы ходили на одни и те же курсы.

– И почему он такой засранец?

Они заиграли медляк, и стало тяжело обсуждать нашу тему так, чтобы никто не подслушал. Эта песня была хуже пер-

вой, и я поймала себя на том, что редактирую ее в голове. Припев следовало сделать пораньше, и слова полны клише... Но он пел так хорошо, что, могу поспорить, каждый в зале был немного влюблен в него в этот момент. Кроме Ханны.

Остаток их выступления я провела как в тумане. Загорелся свет. Судьи дали им пару девяток под громкие аплодисменты. Внезапно я поняла, что уже почти подошла моя очередь.

– Ты следующая, – напомнила Ханна, пока я провожала Риза глазами. – Иди подготовься.

– УДАЧИ, У ТЕБЯ ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ! – закричали мне на ухо Лив и Джек.

Я прошла вдоль сцены, где уже ждал Алистар, который радостно вскрикнул при моем появлении и дал пять.

– Амели! Я очень хочу услышать, что ты для нас всех подготовила!

До выхода оставалось совсем мало времени: по сцене взад-вперед ходил комик в костюме-тройке.

– Вы когда-нибудь замечали, как долго люди торчат перед банкоматами? – спросил он зрителей, но не получил ни ответа, ни смеха. Я заволновалась еще больше.

– Немного нервничаю, – призналась я Алистару. Литота¹ двадцать первого века.

Один из студентов-организаторов передал мне гитару, и я

¹ Образное выражение, состоящее в преуменьшении величины, силы, значения изображаемого явления (*прим. ред.*).

повесила ее на шею. Сразу стала чувствовать себя чуточку увереннее – гитара будто заслоняла меня от внешнего мира.

Алистар улыбнулся.

– Должен сказать, был удивлен, увидев твое имя в списке участников. Ты на занятиях едва разговариваешь.

– Все удивляются, когда узнают, что я пою. Не знаю даже, зачем себя этим мучаю.

Послышался вежливый смех толпы.

– Хм, кто-то сливает свое выступление, – сказал Алистар, а потом заметил мое выражение лица. – Не волнуйся! Слышал от миссис Кларк, что ты очень талантлива. Уверен, все пройдет хорошо.

Я постаралась принять его заверения и комплименты, но расслабиться не получалось. Из-за водки меня немного мутило, из-за отсутствия Алфи я все больше накручивала себя, а от умирающего на сцене комика вообще тошнило.

Слишком быстро послышались вялые аплодисменты, и стендапер покинул сцену.

– Твоя очередь, – шепнул Алистар и ободряюще показал мне два больших пальца.

Тут же все давно знакомые пессимистичные мысли ломанулись в сознание: «Ты отстойно сыграешь. Опозоришься. Все возненавидят твою музыку и тебя. Почему ты не сходила в туалет заранее, хочешь, чтобы стошнило на сцене?»

Я все равно взобралась по ступенькам, нетвердо шагая в своих ковбойских сапогах и натягивая кардиган ниже. Сев на

стул, испытала такой ужас от происходящего, что подключение гитары заняло у меня вечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.